

«Ведь не одна в миру Москва,
И не во всем она права...»

Ю. В.

Ковалевская
-1998-9-15
-с.17

15.2.98

Никогда не приходилось слышать, чтобы заунывная шотландская волынка звучала так весело. И никогда еще шепелявый, неутомный сэр Тони (актер М. Вазов) из пьесы Голдсмита «Ночь ошибок» не задавал своей неуемной энергией такой темп комедии положений. Она летит вперед, как камень, выпущенный из пращи. Кажется, что мысль разыграть двух изнеженных лондонских щеголей — донельзя нелепых в шотландской глуши — рождается у этого неотесанного мамзинкиного любимица и в зрительном зале одновременно. Вскоре всеобщими усилиями ситуация запутывается до такой степени, что выйти из нее можно только с большой долей экстравагантности. Поместье сэра Харлукса (чудаковатого джентльмена, счастливого обладателя прелестной плутовки-дочери и кучи всевозможных предрассудков — актер В. Дмитриев) здорово начинает напоминать «Рехнувшийся замок» Стерна. Где молодые «шалопан», шутя, укладывали на лопатки и чопорный консерватизм, и пресловутый английский здравый смысл, и имперский снобизм.

Как-то в разгар перестройки я смотрела пьесу Скриба «Стакан воды», которую с блеском исполняли актеры Театра им. Вахтангова. Зритель же откровенно скучал. Изящная французская комедия казалась пустой безделушкой, так несозвучна она была тому, что тогда волновало. А на этом спектакле режиссера В. Логутенко зал легко включается в действие. Охотно берет в наставники Голдсмита, предложившего универсальный рецепт от самоуверенности и зашуганности. И оказывается не в убытке, потому что, право же, нам всем есть от чего избавиться, смеясь.

На сцене французские камзолы с панталонами («символ прогресса») самозабвенно противостоят шотландским юбочкам-килтам («символ национального самосознания»). А от этой театральной гиперболы рукой подать до едкой иронии Свифта, у которого две политические партии не на жизнь, а на смерть сражаются за законодательное право разбивать яйца за завтраком с тупого или острого конца. Смех — по природе вольнодумец, и авторы дальше целиком полагаются на догадливость зрителя...

Спектакль привез на фестиваль, посвященный 60-летию творческой деятельности Андрея Александровича Гончарова, его бывший уче-

ник, а ныне главный режиссер телятинского театра «Колесо» Глеб Дроздов. 10 лет назад он создал его в городе, где раньше не было своего театра. Как, впрочем, создал и зрителя. Ничем не потакающая его привычке к незамысловатому зрелищу. Не ориентируясь исключительно на кассовый успех. Не перепевая модные мотивы столичных подмостков. Просто взял за руку и повел по причудливой, властной орбите игры, где даже безнадежно скучные люди способны иногда забывать о себе.

Труппа Глеба Дроздова молодая и азартна. Энергия радостного прожизвания на сцене передается в зал. Он вместе с актерами сейчас и здесь заново открывает для себя жар шекспировских мета-

минуту готов, кажется, даже подсказать пришедшему в склеп Ромео, что Джульетта жива. Зритель благодарен за искренность темы любви, а тему смерти в спектакле ведет «стрельчатый лес органа» среди стальных гудящих труб которого разворачивается действие.

В телятинском театре много учеников Глеба Дроздова. А он, по слухам, педагог беспощадный. Когда студенты одного из лучших его выпусксов почувствовали вкус успеха, начали опаздывать на репетиции. Приходилось неподготовленным, Глеб Борисович собрал их и сказал, что заниматься с ними больше не будет. Многие нашли работу в Москве, что понятно: у них хорошая актерская школа, заметная сразу. Но это и

Смех — по природе вольнодумец

Театр начинается со зрителя

Сцена из спектакля
«Ночь ошибок»

фор в «Ромео и Джульетте». За стенами театра мороз, а они свежие и яркие, как цветы под стеклянными колпаками, которыми торгуют около всех выходов из московского метро. И эта пестрая, полная страсти, жадная до поединков и словесных перепалок, горластая, порой в буквальном смысле ходящая на руках по сцене толпа — точно из эпохи Возрождения. Пусть шаловливая девочка Джульетта, с забавной серьезностью исполняющая фигуры взрослого танца (Е. Назаренко), и пылкий златро Ромео, который ощутил приход любви, как укол шпаги в сердце (Е. Кожевников), так юны, что трагедия им неподвластна.

Они просто не могут до конца поверить в смерть, играют с ней в свои детские игры и принимают ее, как пузырек с волшебным зельем Брата Лоренцо. Поддавшись обаянию этого незнамя, зрительный зал в какую-то

школа отношения к театру его изнурительно тяжелому, неприбыльному, не прощающему подмен ремеслу, которое может выглядеть со сцены легким, разительным и искрометным.

А московский театральный фестиваль так и называется — «Учитель и ученики». В рамках его показали свои работы бывшие ученики Андрея Гончарова — Э. Някрошюс и П. Фоменко, Г. Дроздов и В. Андреев, С. Яшин и Т. Ахрамкова. У них разный режиссерский почерк, темперамент, манера говорить или держать паузу. А общее — уважение и благодарность. Ведь это порой только кажется, что учителя дарят нам обстоятельства, удача и судьба. В конечном итоге мы всегда находим их сами. И этот наш выбор часто определяет и обстоятельства, и удачу, и судьбу.

● Елена ПЕГОВА